

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Елена Рус

Опасная связь. Преподша и мажор

«Автор»
2026

Рус Е.

Опасная связь. Преподша и мажор / Е. Рус — «Автор», 2026

В двух шагах от меня стоит Амир. Он не торопится уходить, не смотрит по сторонам, только на меня. И взгляд у него совсем не тот, что был минуту назад, не дерзкий, не насмешливый. Что-то в нём изменилось, стал глубже, серьёзнее, почти проникновенным.Я невольно сжимаю ручку сумки чуть крепче, делаю глубокий вдох, стараясь сохранить самообладание и смотрю на дверь в аудиторию ,которая почему то закрыта? А потом перевожу взгляд снова на него.- Амир? - мой голос звучит тише, чем раньше, но всё ещё твёрдо.- Ты что-то хотел?И в следующую секунду, он приближается ко мне вплотную.Он высокий, так, что мне приходится задирать голову и в мгновение обхватывает меня за талию, и садит на учительский стол, вклиниваясь между моих ног. Я замираю, не в силах пошевелиться. Всё происходит так стремительно, что мозг отказывается воспринимать происходящее и в следующую секунду его губы жадно впиваются в мои.

© Рус Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Елена 5
Глава 2 Елена 8
Образы героев 11
Глава 3 Амир 13
Глава 4 Елена 15
Глава 5 Амир 18
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Опасная связь. Преподша и мажор

Глава 1 Елена

Сегодня мой шестой день работы в университете.

Я стою у доски и не понимаю, кому я объясняю азы экономики и права! Эти зажравшиеся детки, которым, видимо, плевать, приму я у них зачёт по этой теме или нет,которую я уже всю пару пытаюсь им донести.

Я чувствую, как внутри закипает горячая, жгучая волна раздражения. Голос уже чуть громче, чем нужно, слова вылетают резко, почти хлещут:

— Спрос и предложение! Баланс! Рыночное равновесие! Вы хоть слышите меня! Или для вас это просто набор скучных слов?

Тишина. Абсолютная, издевательская тишина. Ктото демонстративно зевает, ктото листает ленту в телефоне, а парочка «умников» перебрасывается записками, даже не скрываясь.

Кровь стучит в висках. Я сжимаю указку так, что костяшки белеют. Ещё немного и я сорвусь. Ещё одно равнодушное лицо и я простоНо нельзя,надо перетерпеть,потому что дома ждёт маленький брат,которому финансово смогу помочь только я.

БАМ!

Дверь в аудиторию распахивается со всего маха, так, что чуть не слетает с петель. Грохот разносится по всей аудитории, заставляя всех вздрогнуть. Даже те, кто делал вид, что спит, резко поднимают головы.

В проёме стоит он.

Амир Королёв.

Наглухо отмороженный мажор, которому не писаны правила. Высокий, плечистый, в своей неизменной чёрной кожанке. Волосы слегка растрёпаны, будто он только что мчался сюда сломя голову. Взгляд, холодный, дерзкий, пронизывающий.

Наши глаза встречаются.

И в этот миг всё замирает.

Время будто растягивается, воздух становится густым, почти осязаемым. Я чувствую, как по спине пробегает странная, колючая дрожь, страх, возможно!

Когда мне крестная помогла устроится в этот университет,она перво-наперво проинструктировала меня на предмет общения с данным контингентом этого заведения.И как раз был разговор и о Амире.Его отец является спонсором этого университета, поэтому его сынка никто, ничем не может прижучить. Но я не скажу,что он раздолбай,с самого первого дня,как я познакомилась с их курсом,он показал хорошие знания по моему предмету,но вот поведение желает лучшего.

Он не спешит. Медленно входит, нарочито неторопливо, словно хозяин положения. Дверь за ним с глухим стуком закрывается. Он делает шаг, второй, шаги тяжёлые, уверенные, будто каждый из них,вызов.

— Амир! — мой голос звучит хрипло, но я заставляю себя говорить твёрдо.

— Ты можешь объяснить, почему ты снова опаздываешь? И почему врываешься, как как...

Он останавливается, чуть наклоняет голову, и на губах появляется эта его фирменная полуулыбка, дерзкая, вызывающая, почти насмешливая.

— Как будто мне всё равно? — заканчивает он за меня, и в глазах вспыхивает озорной огонёк.

— Потому что так и есть, Елеена Викторовнаа! — продолжает он,растягивая моё имя.

А я стою у доски, сжимая указку, и чувствую, как жар приливает к щекам, от гнева, от беспомощности, от того унизительного ощущения, будто меня выставили на посмешище перед всем курсом.

Я делаю глубокий вдох, пытаясь унять дрожь в руках и сдержать рвущиеся наружу слова, резкие, колкие, те, что точно не стоит произносить преподавателю. В висках всё ещё стучит, а внутри бушует буря, как он смеет? Как смеет вести себя так вызывающе, словно правила это чтото, придуманное не для него?

— Амир! — мой голос звучит твёрже, чем я ожидала, хотя в нём всё ещё слышится дрожь.

— Ты думаешь, это смешно? Думаешь, твоё положение даёт тебе право срывать занятия, демонстрировать неуважение ко мне? Ты опоздал, вломился в аудиторию, как будто это твой личный клуб, и теперь ещё и насмехаешься!

Он чуть приподнимает бровь, всё с той же полуулыбкой, но в глазах что-то меняется, будто искра любопытства. Он не отступает, не опускает взгляд, стоит прямо, расправив плечи, и смотрит на меня так, словно ждёт, что я сделаю следующий ход в этой странной игре.

В аудитории становится тихо, впервые за всё занятие. Студенты, ещё минуту назад занятые телефонами и записками, теперь следят за нами, затаив дыхание. Кто-то даже откладывает телефон, кто-то перестаёт шептаться. На мгновение мне кажется, что всё зависит от того, как я поступлю сейчас.

Я выпрямляюсь, стараюсь говорить ровно, чётко, чтобы каждое слово прозвучало весомо:

— Ты знаешь материал, Амир! Я видела, как ты отвечал на прошлом занятии. Ты способен на большее, чем эта клоунада! Так почему ты выбираешь быть не тем, кем можешь? Почему предпочитаешь, чтобы тебя запомнили как нарушителя, а не как талантливого студента?

Его улыбка чуть меркнет. Он чуть склоняет голову, будто впервые по-настоящему задумывается над моими словами. В глазах мелькает что-то, не то удивление, не то растерянность.

И в этот самый момент раздаётся звонок на перемену. Резкий, пронзительный звук разрывает напряжённую тишину, заставляя всех вздрогнуть.

Студенты тут же оживают, кто-то вскакивает со своих мест, кто-то начинает собирать вещи, переговариваясь вполголоса. Атмосфера накала растворяется так же быстро, как и возникла.

Звонок рассеивает наш разговор с Амиром. Я отхожу к столу, поворачиваюсь спиной к студентам и начинаю собирать учебники в сумку. В аудитории становится тише, слышны только шорох бумаг, скрип отодвигаемых стульев и приглушённые голоса.

Сердце всё ещё колотится после напряжённого диалога, мысли путаются, удалось ли хоть немного достучаться до Амира?

Закончив складывать вещи, я выпрямляюсь, бросаю взгляд на аудиторию, все студенты уже разошлись. В груди чуть отпускает, можно выдохнуть и идти на следующую пару. Я делаю шаг к выходу и замираю.

В двух шагах от меня стоит Амир. Он не торопится уходить, не смотрит по сторонам, только на меня. И взгляд у него совсем не тот, что был минуту назад, не дерзкий, не насмешливый. Что-то в нём изменилось, он стал глубже, серьёзнее, почти проникновенным.

Я невольно сжимаю ручку сумки чуть крепче, делаю глубокий вдох, стараясь сохранить самообладание и смотрю на дверь в аудиторию,которая почему то закрыта?А потом перевожу взгляд снова на него.

— Амир? — мой голос звучит тише, чем раньше, но всё ещё твёрдо.

— Ты что-то хотел?

И в следующую секунду,он приближается ко мне вплотную.

Он высокий,так,что мне приходится задирать голову и он в мгновение обхватывает меня за талию, и садит на учительский стол,вклиниваясь между моих ног. Я замираю, не в силах

пошевелиться. Всё происходит так стремительно, что мозг отказывается воспринимать происходящее и в следующую секунду его губы жадно впиваются в мои.

Воздух будто выталкивает из лёгких. В голове, абсолютная пустота, лишь бешеный стук сердца отдаётся в ушах.

Инстинктивно я упираюсь руками в его грудь, пытаясь отстраниться, но он не даёт мне этого сделать, держит крепко, но без грубости. Его дыхание горячее, прерывистое. Он проводит своей рукой вдоль моего бедра,задирая юбку,отчего внизу живота вспыхивает странное, пугающее тепло,то, что я так старательно гоню. Мысли путаются, тело предательски замирает на мгновение, отзываясь на его прикосновения, но разум тут же бьёт тревогу.

— Амир, остановись! — я наконец нахожу в себе силы резко оттолкнуть его, голос дрожит, но звучит твёрдо.

Он чуть отстраняется, смотрит на меня,в глазах всё ещё горит огонь желания, но в них же мелькает и растерянность. Он открывает рот, чтобы что-то сказать...

И в этот самый момент, дверь аудитории резко открывается.

На пороге стоит Сергей Иванович, молодой преподаватель с кафедры истории, в своих неизменных очках, с папкой в руках. Увидев картину перед собой, он замирает на месте. Его глаза расширяются от шока, очки чуть сползают на кончик носа.

Тишина. Тяжёлая, оглушительная повисает в воздухе.

Я соскальзываю со стола, торопливо одергиваю юбку, поправляю блузку. Щеки пылают, от стыда, гнева и смущения одновременно. Внутри всё сжимается. Слухи сейчас разнесутся по университету мгновенно.

Амир разворачивается к Сергею Ивановичу, расправляет плечи. В нём больше нет ни растерянности, ни уязвимости, только прежняя дерзкая уверенность.

— Что, не ожидали? — бросает он с насмешливой полуулыбкой, но в голосе слышится вызов.

Сергей Иванович, кажется, приходит в себя. Он делает шаг вперёд, закрывает дверь за собой и строго смотрит на Амира.

— Королёв!Прошу вас выйти! — его голос звучит непривычно жёстко.

Амир ухмыляется, будто взвешивает, стоит ли спорить. Потом бросает на меня короткий взгляд, в нём читается что-то неуловимое,то ли дерзость, то ли обещание. Кивает и развернувшись идёт к двери.

Глава 2 Елена

Амир выходит, громко хлопнув дверью. Я остаюсь с Сергеем Ивановичем наедине и от этого становится ещё тяжелее. Воздух будто пропитан неловкостью, а в груди тугой комок обиды и раздражения.

Сергей Иванович делает шаг ко мне, слегка наклоняет голову, поправляя очки. В его взгляде, не просто любопытство, а какойто холодный, оценивающий интерес, от которого по спине бегут неприятные мурашки.

— Елена Викторовна! — начинает он, и голос его звучит уже не так участливо, как раньше.

— Что здесь произошло? Вы может быть, сами его спровоцировали?

Я замираю. Слова ударяют, будто пощёчина. Внутри всё вскипает, от возмущения, от несправедливости.

— Сергей Иванович! — я говорю тихо, но твёрдо, сжимая кулаки так, что ногти впиваются в ладони.

— Я не хочу это обсуждать! И уж тем более, выслушивать подобные предположения.

Он чуть хмурится, делает ещё шаг вперёд.

— Но поймите, ситуация выглядела неоднозначной? — настаивает он.

— Вы сидели на столе, он был слишком близко.

— Это не ваше дело! — перебиваю я, и мой голос звучит жёстче, чем я ожидала.

— То, что вы увидели, лишь мгновение, вырванное из контекста. Королёв переступил границы. Я его остановила. Точка.

Он молчит, смотрит на меня, будто пытается прочесть что-то в моих глазах. Я выдерживаю его взгляд, прямо, без колебаний.

— Прошу вас? — продолжаю я уже спокойнее, но не менее твёрдо.

— Не распространяйте слухи. Не нужно, чтобы эта история стала достоянием всего института. Я и так на новом месте, мне важно сохранить репутацию и сосредоточиться на работе!

Сергей Иванович чуть отступает, кивает. В его глазах мелькает что-то похожее на уважение или, может, просто осознание, что давить дальше бессмысленно.

— Хорошо! — говорит он наконец.

— Я никому ничего не скажу. Но будьте осторожнее. Такие, как Королёв, не привыкли слышать «нет».

— Я разберусь! — коротко отвечаю я.

Разворачиваюсь и иду к двери. Руки всё ещё дрожат, но я стараюсь держать спину прямо. Открываю дверь, выхожу в коридор и только там позволяю себе сделать глубокий, прерывистый вдох.

Коридор заполнен студентами, они смеются, переговариваются, спешат на следующие пары. Кто-то бросает на меня мимолётный взгляд, кто-то здоровается, я киваю в ответ, стараясь выглядеть спокойно. Но внутри всё кипит.

«Как он мог так подумать? — крутится в голове.

Неужели я действительно выгляжу настолько распутной, что любой может решить, будто я сама напрашиваюсь на подобное?»

Иду по коридору, стараясь унять дрожь в руках. Перед глазами снова всплывает лицо Амира, сначала дерзкое, насмешливое.Что это было? Импульс? Попытка доказать что-то самому себе?

«Не сейчас! — приказываю я себе.

Сейчас нужно сосредоточиться. Следующая пара через пять минут. Студенты ждут. Я должна быть сильной.Для себя. Для брата, который верит, что я помогу ему!»

Захожу в преподавательскую, ставлю сумку на стол, достаю конспекты. Руки всё ещё подрагивают, но я заставляю себя сосредоточиться на тексте. Перечитываю план лекции, отмечаю ключевые моменты. Постепенно дыхание выравнивается, мысли становятся яснее.

«Я не позволю ни Амиру, ни Сергею Ивановичу, ни кому-либо ещё сбить меня с пути! — твёрдо решаю я.

Я здесь, чтобы учить.Чтобы стать хорошим преподавателем. И ничто,ни провокации, ни сплетни, ни собственные эмоции, не должны этому помешать!»

Оставшиеся лекции я вела на автомате. Голос звучал ровно, слова лились привычно, но внутри всё ещё бушевала буря. Я объясняла про эластичность спроса, про виды монополий, про правовые нормы, а сама то и дело ловила себя на том, что вслушиваюсь в каждый шорох у двери, жду, не появится ли там силуэт в чёрной кожанке.

Студенты отвечали, записывали, кивали, но я почти не видела их лиц. Перед глазами стояло то мгновение, Амир слишком близко, его дыхание на моей коже, его рука на бедре, а потом холодный, оценивающий взгляд Сергея Ивановича.

«Неужели и остальные так подумают? — билась в голове тревожная мысль.

Если слухи пойдут, никто не станет разбираться, что произошло на самом деле. Будут шептаться за спиной, показывать пальцами, пересказывать искажённую версию».

Я старалась держаться уверенно, отвечала на вопросы, делала замечания тем, кто отвлекался. Но каждый раз, когда кто-то смеялся в аудитории, я вздрагивала, казалось, смеются надо мной. Каждый косой взгляд, реальный или воображаемый, отзывался колючей болью где-то под рёбрами.

К концу рабочего дня я вышла из института, чувствуя себя не преподавателем, а преступницей, которую вот-вот разоблачат. Сгорбившись, шла по осеннему парку, обхватив себя руками, не от холода, а будто пытаясь защититься от невидимых взглядов. Листья шуршали под ногами, ветер трепал волосы, а я всё думала:

«Почему именно сейчас? Почему именно со мной? Я же просто хотела работать, помогать брату, стать хорошим педагогом. А теперь всё это под угрозой из-за одного импульсивного поступка какого-то мажора!»

Я зашла в квартиру и сразу ощутила запах лекарств, смешанный с едва уловимым ароматом травяного чая. Из комнаты доносились голоса брата и мамы,тихий, успокаивающий мамин и чуть хрипловатый, но всё ещё бодрый, Федин.

Сердце сжалось. Всего месяц назад, Федю поставили на учёт с диагнозом «рак головного мозга». Ему всего десять, но он держится так стойко, что порой мне становится стыдно за свои слабости. Каждый раз, когда я вижу его бледное лицо, его глаза, в которых нет ни капли отчаяния, я напоминаю себе,я не имею права сдаваться. Ни из-за Амира, ни из-за Сергея Ивановича, ни из-за чьих-то сплетен.

— Леночка, ты уже дома? — мама выглянула из комнаты, улыбнулась, но я заметила, как дрогнули её губы. Она всегда старается казаться сильной, но я вижу, как ей тяжело.

— Да, мам! — я сняла пальто, повесила его на крючок и направилась к комнате.

— Как Федя?

— Сегодня получше! — мама понизила голос.

— После последней процедуры он даже немного поел. И книжку просил принести.

Я заглянула внутрь. Федя сидел на кровати, укутанный в плед, с книгой в руках. Увидев меня, он улыбнулся, так открыто, так искренне, что у меня на мгновение перехватило дыхание.

— Ленка! — его голос прозвучал чуть громче обычного, будто он старался показать, что всё хорошо.

— Ты сегодня рано. У тебя что, пары закончились?

— Да! — я подошла ближе, села на край кровати, осторожно погладила его по голове. Волосы стали тоньше, мягче. Но глаза, те же, живые, любопытные, полные жажды жизни.

— А ты опять про экономику рассказывала? — он попытался перевернуться на бок, но поморщился.

— Про экономику! — улыбнулась я, стараясь, чтобы улыбка получилась не слишком натянутой.

— И про право. Но знаешь что? Сегодня я поняла одну важную вещь.

Он приподнял брови, ожидая продолжения.

— В жизни, как и в экономике, есть спрос и предложение! — начала я, подбирая слова так, чтобы было понятно десятилетнему мальчику.

— Но самое главное, это баланс. Равновесие. Если одна сторона перетягивает, всё рушится.

Федя задумчиво кивнул.

— Как качели? — спросил он.

— Точно! — я сглотнула комок в горле.

— Как качели. И иногда, чтобы удержать равновесие, нужно приложить усилия. Очень большие.

— Как когда я держусь, чтобы не упасть с велосипеда? — уточнил он.

— Да! — мой голос чуть дрогнул, но я быстро взяла себя в руки.

— Именно так,Федь! Ты молодец, Федь. Ты очень сильный. И я тоже должна быть сильной. Потому что мы команда.

Он протянул руку, и я крепко сжала её в своей. Его пальцы были холодными, но пожатие, неожиданно твёрдым.

— Ты справишься, Лен! — сказал он серьёзно.

— Я знаю. Ты же у меня самая умная и самая крутая. И если кто-то тебя обидит, скажи мне, что, он задумался, подбирая слово.

— Что у тебя есть брат и я им покажу!

Я не выдержала и рассмеялась, на этот раз по-настоящему.

— Договорились! — кивнула я.

— Но пока я сама разберусь. А ты отдыхай. И читай свою книжку.

— Ладно! — он снова устроился поудобнее.

— Но может ты останешься? Почитаешь мне вслух?

— Конечно! — я взяла книгу, открыла на заложенной странице и начала читать. Голос звучал ровно, спокойно, не то что на лекциях сегодня. Здесь, рядом с братом, я наконец могла отпустить напряжение, которое копилось весь день.

Пока я читала, мысли постепенно прояснялись. Всё вставало на свои места. Да, сегодня был тяжёлый день. Да, Амир повёл себя недопустимо, а Сергей Иванович, несправедливо. Но это всего лишь эпизоды. Мои настоящие приоритеты, вот они, мама, Федя, наша семья. И работа, которая даёт нам шанс бороться.

«Завтра я приду в институт! — решила я про себя, краем глаза наблюдая за тем, как Федя постепенно засыпает.

Я буду преподавать так, как умею. Чётко, профессионально, уверенно. И никакие провокации не заставят меня отступить. Потому что я та, которая не сдаётся».

Закончив главу, я аккуратно закрыла книгу, поправила плед на брате и тихонько вышла из комнаты. В коридоре мама молча обняла меня. Я прижалась к ней, чувствуя, как уходит последний остаток напряжения.

Теперь я точно знала, что бы ни случилось завтра, я справлюсь. Ради Феди. Ради нас всех.

Образы героев

Глава 3 Амир

В ночном клубе сегодня было скучно, одни и те же рожи, всё до боли знакомо. Мерцание огней, гул музыки, липкий запах алкоголя и духов, которые смешиваются в какую-то тошнотворную смесь. Я сидел в вип зоне, лениво потягивал виски со льдом и смотрел, как внизу извиваются тела на танцполе. Всё это уже не цепляло.

Ко мне подсела Виолетта. Опять она. Длинные ногти, лакированные до блеска, платье, которое едва что-то прикрывает, губы надутые, утиные, будто они сейчас лопнут,только надави.

— Амир, милый! — промурлыкала она, склоняясь ко мне так близко, что я почувствовал запах её приторных духов.

— Почему такой хмурый? Давай потанцуем?

Я скользнул по ней взглядом, равнодушно, отстранённо. Она пыталась поймать мой взгляд, придвинулась ещё ближе, почти касаясь губами щеки.

И тут я закрыл глаза.

Вместо Виолетты передо мной всплыло другое лицо. Резкие черты, напряжённый взгляд, губы не надутые, не ждущие, а слегка полные, которые нужно бесконечно целовать. Губы Елены Викторовны. Той самой «сучки училки», которая при всех в аудитории решила ткнуть меня в дерьмо.

Никто не смеет так со мной обращаться. Никто. Особенно она. Эта нищенка Красилова, с её гордым взглядом, дрожащим голосом и этой её упрямой стойкостью.

А я не могу блять перестать о ней думать.

С тех пор, как я впервые увидел её в аудитории, стройную, напряжённую, с указкой в руке, что-то внутри меня перевернулось. Она не такая, как все. Не льстит, не увивается вокруг, не пытается получить выгоду. Она злится. По настоящему. И эта злость она меня заводит.

Виолетта тем временем не унималась. Её рука скользнула по моему плечу, пальцы впились в рукав футболки.

— Амир? — её голос звучал капризно.

— Ты меня вообще слушаешь?

Я резко отстранился.

— Отъебись, Виолетт! — бросил я, не глядя на неё.

Она замерла, на мгновение растерявшись.

— Что?

— Я сказал,отвали! — повторил я жёстче.

— Иди танцуй с кем-нибудь другим?

Её лицо исказилось, обида, злость, недоумение. Она хотела что-то сказать, но, увидев мой взгляд, передумала. Встала, резко развернулась и ушла, покачивая бёдрами, будто надеялась, что я позову её обратно.

Но я даже не смотрел ей вслед.

Допил виски, поставил стакан на стол и достал телефон. Пальцы сами набрали её имя в поисковике, Елена Викторовна Красилова. Фотографий в сети почти нет, только пара размытых кадров с университетских мероприятий. Но мне и не нужны фото. Я и так слишком хорошо помню её, как она сжимала указку, как голос дрожал, но не ломался, как она смотрела на меня, не с испугом, а с вызовом.

«Никто не смеет меня унижать!» — думал я.

Она бросила мне вызов. И это будоражило. И я её накажу.

Поднялся, накинул кожанку и направился к выходу. Охрана молча последовала за мной. Ночной воздух ударил в лицо, отрезвляя. Город шумел, мигал огнями, но всё это казалось каким-то фальшивым.

Я сел в машину, откинулся на сиденье и закрыл глаза. Перед внутренним взором снова возникло её лицо.

— Чёрт возьми! — прошептал я.

— Почему именно она?

Водитель вопросительно посмотрел в зеркало заднего вида.

— Домой! — бросил я.

Машина тронулась с места. А я всё думал о том, что завтра она узнает,что бывает с теми,кто пытается задеть меня.

И найдя в сетях её,написал:

«Елена Викторовна, я знаю, что ты сейчас лежишь в своей кровати и думаешь о моём поцелуе. И наверняка уже мокренькая от этих мыслей. Разве нет?»

Отправил сообщение и замер, сжимая телефон в руке. Сам не до конца понимал, зачем это сделал, будто какой-то дьявол внутри подтолкнул, заставил бросить вызов ещё раз, проверить границы.

Экран смартфона оставался тёмным. Минуты тянулись бесконечно. Я нервно провёл рукой по волосам, откинулся на сиденье. Водитель подъехал к моей квартире и охрана проследовала за мной, проводив до двери, а потом также не заметно растворилась.

«Ну конечно, она не ответит? — пронеслось в голове.

И правильно сделает! Пусть боится меня!».

Но тут телефон тихо завибрировал в руке.

Сообщение от неё.

Сердце пропустило удар. Я резко разблокировал экран.

«Амир, если ваше воспитание не позволяет вести себя достойно в аудитории, то хотя бы оставьте свои примитивные фантазии при себе. И запомните, я не „ты, а „вы“. И впредь обращайтесь ко мне исключительно так».

Я уставился на экран. Сначала по лицу расползлась глупая улыбка, потом я не выдержал и рассмеялся, громко, искренне, почти истерично.

Её слова должны были разозлить меня. Должны были заставить почувствовать себя униженным. Но вместо этого внутри вспыхнул азарт. Она не испугалась. Не промолчала. Не проглотила оскорбление, ответила так, что стало ясно, она не собирается играть по моим правилам.

Пальцы сами забегали по экрану.

«Но ты не ответила на главный вопрос,значит действительно думала обо мне?»

Снова ожидание. На этот раз дольше. Я поймал себя на том, что затаил дыхание.

Ещё вибрация.

«Амир, завтра утром, у меня консультация для вашей группы. Приходите вовремя. И без фокусов. Иначе я найду способ донести до вашего отца, что его сын не просто опаздывает на пары, а срывает учебный процесс. Это не угроза, предупреждение?».

Я замер. Потом медленно откинулся на спинку сиденья дивана в гостиной.

— Она что, реально готова пойти против моего отца? — прошептал я.

— Ну всё, дождалась училка, завтра ты увидишь, на что нарываешься?

Я снова открыл чат. Пальцы замерли над клавиатурой. В груди разливалось странное чувство, смесь раздражения, азарта и чего-то ещё.

«Хорошо, Елена Викторовна. Буду вовремя. И обещаю, никаких фокусов. До завтра».

Нажал «Отправить» и откинулся на сиденье, чувствуя, как внутри разгорается непривычное предвкушение. Завтра будет интересно. Очень интересно.

Глава 4 Елена

На следующий день я заходила в институт с колотящимся сердцем, глядя по сторонам и ловя взгляды учеников и коллег. Многие здоровались, и вроде ничего не говорило о том, что кто-то знает, что произошло вчера в аудитории. Но только я зашла в кабинет преподавателей, как в дверях со мной столкнулась секретарь ректора и сказала, что меня бегом вызывают к ректору университета.

Внутри всё похолодело. В висках застучало:

«Неужели Сергей Иванович не сдержал слова? Или Амир решил раздуть историю?»

Я сглотнула, стараясь унять дрожь в пальцах.

— Хорошо! — ответила я как можно спокойнее.

— Сейчас иду!

По пути к кабинету ректора я пыталась взять себя в руки. Повторяла про себя:

«Ты ни в чём не виновата. Ты действовала правильно. Не позволяй им запугать себя».

Но сердце всё равно билось так, будто готово было выпрыгнуть из груди.

Секретарь ректора, молодая женщина с неизменно строгим лицом, кивнула мне:

— Проходите, вас ждут!

Я глубоко вдохнула, постучала и вошла.

Кабинет ректора поражал масштабом, массивный стол, книжные шкафы до потолка, на стенах, портреты выдающихся учёных. Сам ректор, Григорий Павлович, сидел за столом, хмуро листая какие-то бумаги. Рядом сидел Амир.

Его поза была расслабленной, почти вызывающей, руки в карманах, одна нога закинута на другую. Но взгляд, брошенный в мою сторону, уже не был насмешливым, в нём читалась настороженность.

— Елена Викторовна, присаживайтесь! — голос ректора прозвучал сухо, без приветливого тона, к которому я привыкла на общих собраниях.

Я села, выпрямив спину, стараясь выглядеть уверенно, хотя внутри всё дрожало.

— Мне доложили о некоем инциденте, произошедшем вчера в аудитории? — продолжил Григорий Павлович, отложив бумаги и пристально посмотрев на меня.

— По словам Амира Дамировича, вы некорректно повели себя в отношении него, спровоцировали конфликт, а затем попытались опорочить его репутацию?

Я почувствовала, как кровь приливает к лицу.

«Невероятно. Он перевернул всё с ног на голову!»

— Григорий Павлович! — я заговорила чётко, контролируя интонацию.

— Всё было с точностью до наоборот. Амир Королёв позволил себе недопустимые действия, он приблизился ко мне слишком близко, распукая руки. Я остановила его и попросила соблюдать границы.

Амир фыркнул, но промолчал.

— У вас есть свидетели? — ректор поднял бровь.

— В тот момент в аудитории никого не было, кроме нас троих, меня, Королёва и Сергея Ивановича. Он всё видел! — твёрдо произнесла я, стараясь не выдать нарастающей паники.

Григорий Павлович перевёл взгляд на Амира, потом снова на меня.

— Сергей Иванович не подтвердил вашу версию! — холодно произнёс он.

— Более того, он сообщил, что вы сами вели себя вызывающе, сидели на столе, провоцировали студента, а когда он отреагировал, попытались выставить его виноватым.

Мир будто на мгновение замер. В ушах зазвенело, а в груди разливалась ледяная пустота.

«Как? Почему Сергей Иванович так поступил? Ведь он видел всё своими глазами!»

— Это ложь! — вырвалось у меня прежде, чем я успела себя остановить. Голос прозвучал громче, чем я рассчитывала, но я не стала его смягчать.

— Сергей Иванович был свидетелем того, как Королёв позволил себе недопустимые действия в отношении меня! Он видел, как я остановила его, как потребовала соблюдать границы!

Амир усмехнулся, откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

Ректор поднял руку, призывая к тишине.

— Достаточно. Давайте без эмоций! — жёстко произнёс Григорий Павлович и сцепил пальцы в замок.

— Елена Викторовна, поймите меня правильно. Я не намерен из-за какого-то инцидента, с участием простого педагога, подвергать наш университет риску. Уже пошли разговоры, репутация под угрозой.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног.

«Разговоры? Значит, слухи всё-таки расползлись»

— Поэтому я предлагаю вам выбор? — продолжил ректор, глядя мне прямо в глаза.

— Либо вы пишете заявление по собственному желанию, либо будете уволены по статье, за создание конфликтной ситуации и дискредитацию учебного заведения.

В комнате повисла тяжёлая тишина. Амир ухмылялся, откинувшись на спинку стула, словно наблюдал за спектаклем, в котором победа уже была на его стороне.

«Уволиться? Просто взять и сдаться? После всего, что я пережила? После того, как боролась за это место ради Феди?»

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Боль помогла сосредоточиться.

— Григорий Павлович! — мой голос дрожал, но я заставила себя говорить чётко и громко.

— Вы предлагаете мне уйти из-за лжи, которую распространяет студент, позволивший себе недопустимое поведение в отношении преподавателя? Вы готовы поверить клевете, вместо того, чтобы разобраться в ситуации?

Ректор нахмурился:

— Не стоит драматизировать. Мы уже разобрались. Показания Сергея Ивановича однозначны.

Я замерла на мгновение, чувствуя, как внутри всё обрывается.

«Значит, правда не имеет значения? Деньги и связи важнее справедливости? Амир добился своего»

Глубоко вдохнула, пытаясь унять дрожь в руках. Гордость боролась с отчаянием, но унижаться дальше не было сил.

— Хорошо! — произнесла я тихо, но твёрдо, поднимая взгляд на ректора.

— Я напишу заявление об увольнении. Но если вы готовы расстаться с преподавателем ради денег отца Королёва, это на вашей совести!

Развернувшись, я направилась к двери, стараясь идти ровно и не выдать, как сильно дрожат ноги. В спине будто вонзились сотни игл, столько осуждения и несправедливости я ещё никогда не чувствовала.

Вышла из кабинета, закрыла дверь и пошла по коридору. Во мне всё клокотало, обида, гнев, отчаяние, горечь поражения.

«Как они могли? Как можно так легко поверить лжи?»

Шаги эхом отдавались в пустом коридоре. Я шла, сжимая кулаки, стараясь не сорваться на бег, не дать волю слезам.

«Главное, дойти до выхода. Главное не показать слабость».

Но только я спустилась с лестницы, как вдруг кто-то обхватил меня сзади и потащил под лестницу, зажав мой рот рукой. Я замерла от ужаса, сердце заколотилось с бешеной скоростью.

— Тихо Елена Викторовна! — раздался шепот прямо над ухом.Это был Амир.

«Да как он смеет?»

Я рванулась изо всех сил,но его хватка была железная.

— Отпусти меня немедленно! — выдохнула я, задыхаясь от ярости.

— Как ты вообще смеешь после всего, что натворил?

— Успокойся, не дёргайся! — Амир чуть ослабил хватку, но не отпустил.

— Ты можешь исправить свою репутацию. Я предлагаю тебе за это быть моим репетитором на дому, лично для меня. Ну как, здорово я придумал?

Я замерла, не веря своим ушам. Гнев захлестнул с новой силой, такой, что перед глазами потемнело.

— Ты…ты серьёзно? — я резко развернулась к нему лицом, едва сдерживаясь, чтобы не ударить.

— Предлагаешь мне сделку? По сути, взятку? Чтобы я забыла о том, как ты ко мне приставал, оклеветал перед ректором, поставил под удар мою карьеру!

— Ну почему сразу взятку? — он попытался улыбнуться, но улыбка вышла жалкой.

— Просто взаимовыгодное сотрудничество. Ты помогаешь мне подтянуть экономику на дому, а я.. ну, скажу ректору, что всё было не так, как я говорил раньше и тебя вернут обратно.

— Не так! — я горько рассмеялась.

— То есть ты признаёшь, что солгал? Признаёшь, что я ни в чём не виновата?

— Да, я солгал ректору! — продолжил Амир, и в его голосе зазвучала прежняя наглость.

— Но в том, что ты меня перед всей аудиторией отчитала как мальчишку, это однозначно. А такое я не прощаю. Поэтому выбирай, или взаимовыгодное сотрудничество, или на все четыре стороны. Только потом,ты даже поломойкой не устроишься!

Кровь прилила к лицу, а в груди вспыхнул такой жар, что, казалось, ещё секунда и я взорвусь от ярости. Всё это время я пыталась найти в нём хоть каплю человечности, а он снова показал своё истинное лицо, самовлюблённого, избалованного мальчишки, привыкшего, что мир крутится вокруг него. Но в голове пронеслась мысль о брате и дрожь страха прошла через всё тело.Если меня уволят, я не смогу заработать денег на его лечение.

Он загнал меня в тупик, но он никогда не узнает, по какой причине я сейчас ему продамся, согласившись на репетиторство.

— Хорошо, твоя взяла! — произнесла я обессиленно.

— Когда нужно провести занятие?

Слова дались с таким трудом, будто я выталкивала их из себя по капле. Внутри всё сопротивлялось, кричало, что нельзя так просто сдаваться, но перед глазами снова возникло лицо Феди, его улыбка, слабая, но такая родная, его глаза, в которых столько надежды.

Амир ухмыльнулся. Его самодовольная ухмылка дрогнула, он на мгновение растерялся, но тут же взял себя в руки.

— Ну,а прикидывалась, что не продаешься? — сказал он посмотрев в мои глаза.

— Сегодня в пять вечера у меня дома. Адрес я тебе скину. И оденься как-то поприличней,не это бабушкино шмотьё! — ответил он,пробежав взглядом по моему телу,отчего моё лицо вспыхнуло. А он развернувшись,пошагал прочь.

Я стояла,прислонившись к стене лестницы и слёзы текли по лицу,от бессилия и без исходности.

Глава 5 Амир

Всю ночь мне снилась Красилова и утром я проснулся в хреновом настроении.Я пришёл в институт с одной целью, наказать эту выскочку. С самого утра внутри всё кипело, злость, обида, жажда мести. Вчера она унизила меня перед всей аудиторией, так холодно, так демонстративно, будто я какой-то мальчишка, а не студент с амбициями и связями.

«Она заплатит за это!» — твердил я себе, поднимаясь по лестнице.

План созрел быстро, использовать связи, надавить на ректора через репутацию университета. Отец всегда учил, если хочешь добиться своего, используй то, что есть. И я собирался использовать всё, влияние семьи, страх перед оглаской, уязвимость простого преподавателя перед системой.

Я уже сидел в кабинете ректора, когда она вошла. Бледная, но блять, такая красивая. Прямая спина, дрожащие руки, взгляд, в котором борются страх и гордость. Внутри что-то ёкнуло, но я тут же подавил это чувство. Не время для сантиментов.

Наблюдая за ней, я ловил странное удовольствие. Вот она пытается говорить уверенно, вот сжимает кулаки, вот пытается доказать свою правоту. Её отчаяние было почти осязаемым, и это распаляло меня ещё сильнее. Я хотел, чтобы она сломалась. Чтобы признала своё поражение. Чтобы поняла, кто здесь главный.

Когда ректор озвучил выбор, увольнение по собственному или по статье, я едва заметно ухмыльнулся. Победа была близка. Но когда она произнесла эти слова:

«Я напишу заявление об увольнении. Но если вы готовы расстаться с преподавателем ради денег отца Королёва, это на вашей совести!» — внутри всё перевернулось.

Не раскаяние. Не жалость. А злость. И ещё что-то, чего я не мог объяснить. Она не унижалась. Не молила. Она обвинила. И это задело сильнее, чем я ожидал.

«Нет, так просто ты не отделаешься?» — решил я.

Я дождался, пока она выйдет из кабинета, и последовал за ней. Видел, как она идёт по коридору, спина прямая, шаги твёрдые, но я то знал,внутри она сейчас рассыпается. Это читалось в каждом движении, в том, как она сжимала кулаки, как старалась не сорваться на бег.

Под лестницей я схватил её сзади. Она вздрогнула, попыталась вырваться, в глазах ужас, а потом ярость. Её сопротивление только распаляло меня. Запах этот её дешманский,но от которого меня не воротило,а только еще больше распаляло,что в джинсах стало туго.Глаза большие в которых читалась ненависть ко мне,но гордость. Хотелось сломать эту гордость, стереть эту уверенность, показать, кто здесь главный. В этот момент я хотел не просто победы, я хотел полного подчинения.

Предложение пришло само собой, репетиторство на дому. Простая, циничная сделка. Я получу то, что хочу, а она шанс сохранить работу. В голове крутилась мысль:

«Я её трахну и мне станет легче, выкину из головы и забуду!»

Но даже тогда, произнося эти слова мысленно, я чувствовал, что всё не так просто.

Когда она сказала:

«Хорошо, твоя взяла.» — внутри всё ликовало.

«Ну, а прикидывалась,что не продаешься?"- ответил я ей.

Победа. Я её сломал. Но вместо триумфа почувствовал пустоту.

Её глаза, полные отчаяния и боли, вдруг показались мне слишком настоящими. Слишком живыми. Я увидел не просто строптивую преподавательницу, я увидел человека, который борется за что-то важное. Что-то, что мне было не понять. В тот миг я вдруг осознал, что она не просто фигура в моей игре, она живой человек с болью, страхами, надеждами.

Выходя из института, я закурил и глубоко затянулся. Почему-то не было того удовлетворения, которого я ждал. Вместо него, странное, неприятное чувство, будто я только что переступил какую-то черту. Будто победа оказалась не такой сладкой, как я себе представлял.

«Всё правильно» — убеждал я себя.

Она получит то, что заслужила. А я то, что хочу. И скоро я выкину её из головы. Забуду, как страшный сон».

Но где-то глубоко внутри я понимал, забыть не получится. Её взгляд, её голос, её гордость, всё это останется со мной. И чем сильнее я пытался отогнать эти мысли, тем настойчивее они возвращались.

Я сжал кулаки, пытаясь унять внутреннюю дрожь. Злость, желание доказать что-то, жажда власти, всё это смешалось в один клубок, который не давал покоя. Я хотел стереть её из памяти, но она уже вросла в неё, как заноза, которую невозможно вытащить.

«Ничего! — подумал я, швыряя окурок в урну.

Сегодня вечером всё станет на свои места. Я получу своё, а потом забуду. Обязательно забуду».

Я не знал, как дождаться вечера. Часы тянулись мучительно медленно, будто кто-то специально замедлил время. Мысли крутились вокруг предстоящего вечера, я то убеждал себя, что это просто сделка, то ловил себя на том, что представляю её взгляд, её голос, её сопротивление.

«Всё, хватит. Это просто сделка!» — повторял я, но сам себе не верил.

Но училка оказалась пунктуальной, пришла ровно в пять. Я открыл дверь и на мгновение замер. Вроде одета просто, но от её вида, чёрного капрона и кожаной юбки, меня повело. Она стояла на пороге, чуть приподняв подбородок, стараясь выглядеть уверенно, но я видел, как подрагивают её пальцы, как нервно она сжимает ремешок сумки.

— Проходи! — хрипловато произнёс я, отступая в сторону.

Она вошла, не глядя на меня, осторожно ступила на паркет. Я закрыл дверь и на секунду замер, вдыхая её запах,цветочный, но такой запоминающийся. Внутри всё сжалось.

«Спокойно. Это просто игра. Ты её уже выиграл!» — напомнил я себе.

Я указал ей на стул в гостиной:

— Садись!

Она присела на стул и стала доставать учебники. Я плюхнулся рядом, практически касаясь своим бедром её бедра. От этого меня трясло, руки чесались. Запах её духов заполнял комнату, проникал в лёгкие, затуманивал разум.

— Ну что? — хрипло произнёс я, стараясь говорить ровно.

— Начнём с макроэкономики? Или сразу перейдём к тому, ради чего ты здесь?

Она замерла, но не подняла глаз. Пальцы судорожно сжали край учебника.

— Я здесь ради занятий! — ответила она тихо, но твёрдо.

— И я бы попросила тебя придерживаться рамок приличия?

Я резко наклонился ближе, почти касаясь её уха.

— Приличия? — прошипел я.

— Ты продала свою гордость, за место в институте. Какое теперь приличие? Ты здесь потому, что я так решил. Потому что без меня ты никто?

Она вздрогнула, но не отпрянула. Медленно повернула голову и посмотрела мне в глаза. В её взгляде была такая смесь боли, гнева и презрения, что внутри всё перевернулось.

— Ты никто без своего папаши! Ты избалованный мальчишка, который боится, что его перестанут бояться. Только когда ты угрожаешь своим авторитетом своего папы, а сам без него, ты никто. И я тебя не боюсь! — ответила она.

Я резко встал, так резко, что стул, на котором я сидел, с грохотом упал на пол. Кровь бросилась в голову, в висках застучало. Её слова ударили, как хлыст, больно, резко, до дрожи в руках.

Я застыл на мгновение, сжимая и разжимая кулаки. Внутри всё кипело, злость, обида, унижение и ещё что-то, чего я не мог назвать. Что-то, от чего горло сжималось, а дыхание сбивалось.

— Ты всё ещё играешь в героиню? — я резко схватил её за запястье.

— Думаешь, твоя жертвенность делает тебя лучше? Выше меня? Ты продалась. Признай это. Признай, что ты такая же, как все, покупаешься на условия.

Она не пыталась вырваться, только сжала губы, сдерживая эмоции.

— Да! — сказала она наконец.

— Я согласилась на твои условия. Но это не значит, что я твоя. Я не вещь, которую можно купить. И не игрушка для твоих игр.

— Замолчи! — хрипло бросил я, но голос дрогнул.

— Просто замолчи.

— Ты ошибаешься и сейчас я тебе докажу,что ты такая же продажная кукла.Я притянул ее ближе,но почувствовал брызги воды на лице.Эта сучка выплеснула мне стакан с водой в лицо.

Я застыл на мгновение, ледяные капли стекали по лицу, рубашка промокла в районе груди. В голове взорвалась красная вспышка ярости.

— Ты! — выдохнул я сквозь зубы, сжимая её рукав так, что пальцы побелели.

— Ну всё капец тебе!

Она дёрнулась в сторону, пытаясь вырваться, но я рванул её на себя. Пуговицы на её блузке не выдержали, с тихим треском отлетели и покатились по паркету. Ткань распахнулась, обнажив край прозрачного бюстгальтера и соблазнительную линию груди.

Всё тормоза слетели. Разум отключился. Осталась только первобытная, животная ярость и что-то ещё, гораздо более опасное.

Я рванул её к себе так резко и повалил на спину,распластав её на столе,вклиниваясь между ног.

Разум отключился,руки задрали её юбку.Она сопротивлялась,но я заломил её руки над головой,зафиксировав их.

Я застыл, нависая над ней, её грудь тяжело вздымалась, в глазах плескались ярость и страх. Руки дрожали, когда я провёл ладонью по её бедру, сквозь тонкую ткань юбки чувствуя жар тела.

— Теперь ты понимаешь, кто здесь главный? — прошипел я, наклоняясь к её уху.

— Все твои слова, твоя гордость,всё это пыль. Ты в моей власти.

Она сжала зубы, пытаясь вырваться, но я держал крепко, наслаждаясь её беспомощностью. В висках стучало, кровь пульсировала в ушах.Я торжествовал,она раскрасневшаяся подо мной.Хотел её до звездочек в глазах.И потом впился в её губы.

Она сначала сопротивлялась,но я подавлял её попытки и почувствовал её отдачу. Её стон,совсем не похожий на боль.И я понял, ей тоже это нравится! И я не мог больше ждать.Не снимая капрон и трусики,я просто их порвал и просунул руку к её киске,горячей,влажной.

Девочка потекла.А потом я резко вошел в неё и она вскрикнула.

Я замер, будто током ударило. Её крик, слёзы в глазах.Всё внутри оборвалось.

— Что?.. — выдохнул я, отстраняясь.

— Ты… ты чё,целка?

Она не ответила. Только отвернулась, и по щеке скатилась слеза. В этот момент вся моя ярость, вся жажда власти рассыпались в прах.

Я отпустил её руки, отпрянул, будто обжёгся. Сел на край стола, провёл дрожащей рукой по лицу.

— Чёрт! — прошептал я. Чёрт, чёрт, чёрт…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.